

ВАЛЕРИ БОУМЕН

Прелестная наездница

МАРМ

Валери Боумен
Прелестная наездница
Серия «Шарм (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70190356
Боумен, Валери. Прелестная наездница: АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-158444-3

Аннотация

Граф Блэкстоун, вынужденный продать любимого арабского скакуна дочери – леди Теодоры Баллард, буквально разбил ей сердце. В попытке выкрасть четвероногого друга Теа позорно свалилась, сломала ногу – и теперь ей приходится пользоваться до крайности нежеланным гостеприимством соседа – члена парламента Эвана Ферчайлда, виконта Клейтона.

Они бесконечно раздражают друга друга. Они со страшной силой действуют друг другу на нервы. Они с каждым днем все сильнее друг в друга влюбляются и просто ничего не могут с этим поделать...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	56
Глава 8	60
Глава 9	68
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Валери Боумен

Прелестная наездница

Valerie Bowman

Save a Horse, Ride a Viscount

© June Third Enterprises, LLC, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

* * *

*Моей подруге и сестре по писательству Анне
Беннетт*

Глава 1

Загородное имение графа Блэкстоуна, Девон, октябрь 1813

– Я намерена украсть эту лошадь, – сказала леди Теодора Баллард своей камеристке Мэгги, когда та затягивала на ней корсет.

– Вы уверены, что это правильное решение? – отозвалась Мэгги, тяжело вздохнув.

Хозяйка и камеристка были почти ровесницы и близкие подруги с самого детства. Мать Мэгги служила горничной у матери Теи, и девочки вместе росли в этом имении. Матушка Теи – да упокоит Господь ее душу – была дамой, чуждой условностям и формальностям, поэтому только радовалась дружбе дочери с дочкой своей горничной. И самих девочек, несмотря на очевидную и неизбежную разницу в обучении и воспитании, не беспокоила разница в положении в обществе. Когда пришло время, у Теи не было сомнений, кто станет ее камеристкой. В отличие от своей хозяйки и подруги Мэгги никогда не была особенно общительной, уверенной в себе и безрассудно смелой и всегда пыталась отговорить подругу от очередной авантюры, на которые та была мастерица.

– Вообще-то никакое это не воровство, – пояснила Тея,

заправляя за ухо непослушный темный локон. – Это же моя лошадь. Ну по крайней мере, так предполагалось.

Тея подняла руки, и Мэгги, надевая на нее платье, заметила:

– Но вы же сказали, что ваш брат не сумел выиграть аукцион.

Мэгги, невысокая светловолосая девушка с пухлыми щеками и темно-кариими глазами на миловидном лице, почти всегда улыбалась, если только ее хозяйка не попадала в очередные неприятности. В этих случаях Мэгги хмурилась и пыталась, в точности как сейчас, вразумить подругу.

Тея возвела глаза к потолку.

– Ну да, проиграл, но при чем здесь я? Я предупредила Энтони – только выигрыш. Если бы только на эти проклятые торги допускали женщин, уж я бы точно не проиграла.

Мэгги изогнула бровь и осторожно спросила:

– Может, ваш отец установил для лорда Энтони лимит? Для его кошелька?

Ей ужасно не хотелось затрагивать эту тему, но, возможно, это важно.

– О, я почти не сомневаюсь в этом, – на удивление быстро согласилась Тея. – Именно поэтому я и намерена отправиться на поиски отца сразу же, как ты закончишь меня одевать.

– Тогда вперед – я уже закончила, миледи, – улыбнулась Мэгги и легонько провела рукой по спине девушки, где все пуговицы надежно и правильно были застегнуты.

Теодора крутанулась на месте, мельком взглянув на себя в зеркало. Ее никогда особо не волновала собственная внешность. Она больше интересовалась верховой ездой и лошадьми, чем модными туалетами, украшениями и новейшими прическами. В зеркале отразилось совершенно прелестное платье, модистка только что его дошила: атласное, цвета персика, по подолу и рукавам расшито крошечными цветочками. Дополняли его белые чулки, перчатки и расшитые бисером туфельки в тон. Внешний вид вполне подходящий, хотя внутри она просто кипела от досады.

Тея вздернула подбородок.

– Вот бы мне нарядиться мужчиной и явиться на тот аукцион!.. Клянусь, я бы его выиграла.

Мэгги резко втянула воздух и покачала головой.

– О, пожалуйста, только не это! Да у меня бы припадок случился, если бы пришлось одевать вас в мужское платье. Я все-таки камеристка, а не камердинер.

Она фыркнула, а Тея улыбнулась, расправила плечи и громко вздохнула.

– Ну что ж, полагаю, пора. Спасибо за помощь, Мэг, и пожелай мне удачи.

– Всегда пожалуйста, и поможет вам Господь.

– Да, его помощь не будет лишней.

Подхватив юбки, Теодора выпорхнула из спальни и направилась в отцовский кабинет. Граф Блэкстоун нечасто бывал дома: предпочитал проводить время в Лондоне с любовни-

цей. Тея приказала себе не думать об этом: от подобных мыслей гнев ее становился только сильнее. Сейчас отец приехал в имение, чтобы проверить, как идет подготовка к рождественскому балу. Вне всяких сомнений, после того как поговорит с экономкой и дворецким, он вернется в Лондон. Но пока выпала идеальная возможность спросить отца про аукцион лошадей, и Теодора решила ею воспользоваться. В конце концов, именно он виноват в том, что эта лошадь вообще попала на аукцион.

Она прошла по широкому верхнему коридору, спустилась по мраморной лестнице, которая вела в холл, пересекла его и оказалась в другом коридоре, соединявшем основное здание с западным крылом, где и находился отцовский кабинет.

Дверь, как всегда, была слегка приоткрыта: отец должен был знать, кто проходит мимо, а то и окликнуть. Тея сунула нос в щель, прежде чем войти. За письменным столом сидел мужчина средних лет, весьма привлекательный, с легкой сединой на висках. Тея была очень похожа на него – во всяком случае, так всегда говорила мать. Да, темно-каштановые волосы и серые глаза она действительно унаследовала от него, зато темперамент – нет. Может, поэтому они редко приходили к согласию.

– Я тебя вижу, мисс, – послышался голос отца. – И совершенно точно знаю, зачем ты пришла.

Тея решила, что это приглашение войти, широко распахнула дверь и, шагнув внутрь, любезно, но без сюсюканья про-

изнесла:

– Доброе утро, отец.

Они с отцом никогда не были особенно близки и уж тем более на так называемой дружеской ноге. Большую часть ее детства он провел в Лондоне, а как раз перед смертью матери Тея узнала, чем он все эти годы там занимался. Отец всегда был для нее элегантным, хорошо воспитанным незнакомцем, с которым время от времени приходилось разговаривать. Сегодня был как раз тот самый случай. Тея всегда стремилась сделать их встречи короткими и по возможности официальными.

Граф нахмурился.

– Я ждал твоего визита. Энтони вчера вечером вернулся и сообщил, что проиграл аукцион в Лондоне.

Тея подошла к широкому столу красного дерева и заявила:

– Да, именно поэтому я здесь. Тот арабский скакун – мой.

– Это очень дорогая игрушка, Теодора, – жестко парировал Блэкстоун. – Ты даже не представляешь, за какую цену он в конце концов ушел.

Тея сжала губы. Он опять назвал ее «Теодора», как всегда. Никто не зовет ее так, только он. А вот на его замечание по поводу цены лошади ей хочется ответить: «В таком случае, может, не стоило его продавать, чтобы потом не пришлось покупать», – но вместо этого она сказала:

– Я разрешила Энтони взять деньги из моего приданого,

если потребуется. Ведь не может же лошадь стоять больше.

Тее огромного труда стоило оставаться спокойной, хотя все в ней кипело и бурлило от обиды и досады.

Граф откинулся на спинку стула и прищурился.

– Отдать твое приданое за лошадь? Прежде всего, я ни под каким видом не одобрил бы подобную сделку. Но что, если я скажу, что за эту лошадь отдали изначально установленную цену плюс твое приданое и все это умножили на два?

У Теи отвисла челюсть, но она быстро пришла в себя, захлопнула рот и выдохнула:

– Этого не может быть! Ни одного арабского скакуна не продавали за такие деньги.

– Поверь, именно за такую цену он и ушел. Я сам был потрясен, когда узнал. Не сомневаюсь, что Энтони сделал все возможное, но я не давал ему разрешения тратить даже половину такой суммы.

– Не могу поверить, чтобы хоть кто-то заплатил так много, – отозвалась Тея, подперев подбородок большим пальцем, и покачала головой, пытаясь переварить поразительную новость. Кто мог заплатить такую цену? Это же абсурд. Животное, конечно, великолепное, почти идеальный образец лошадиного племени, но такие деньги... это просто бред.

– Я подозреваю, что это как-то связано с историей скакуна: прежде он принадлежал герцогу Харлоу, – добавил граф. Брови Теи сошлись в ниточку.

– Герцог Хар...

Договорить ей не дал Энтони, шагнувший в кабинет. Увидев ее, брат остановился как вкопанный, окинул ее настороженным взглядом и хотел было уйти, но граф его остановил:

– Входи, Энтони, мы как раз говорим о том, что касается нас всех.

– Боюсь, Тея кинется на меня и выцарапает глаза, – отозвался тот, усмехнувшись, но все же вошел в кабинет, хотя и продолжал внимательно наблюдать за сестрой.

Тея же, скрестив руки на груди, уставилась на брата.

– Отец только что сказал, за сколько продали араба.

Энтони вздохнул.

– Поверь, я сделал все, что мог. Мне даже в голову не могло прийти, что кто-нибудь готов предложить такую цену.

– Ты уверен, что ничего не напутал? – уточнила Тея, не в силах поверить услышанному.

Энтони расхохотался и покачал головой.

– Я хоть и старше тебя на пять лет, но глухотой и маразмом пока не страдаю, поэтому совершенно уверен, что араба продали именно за такую астрономическую цену.

– Это каким же надо быть богатым и азартным, чтобы столько заплатить? – воскликнула Тея.

Ее гнев на брата мгновенно переместился на новую цель – на того толстосума, который заплатил целое состояние за ее лошадь!

Энтони потер затылок и пояснил:

– Дело тут не только в родословной и физических данных

скакуна: раньше он принадлежал герцогу Харлоу. Вся Англия знает эту печальную историю.

Тея улыбнулась: конечно же, она знает историю герцога Харлоу, или, точнее, бывшего герцога. Мэгги регулярно читала Тее светскую хронику из «Таймс» – эта история была опубликована именно там. Шесть лет назад араба купили у графа Блэкстоуна для младшего брата бывшего герцога, солдата, и тот взял жеребца на войну. Сам молодой человек погиб на континенте, и по приказу Веллингтона лошадь со всеми предосторожностями привезли обратно в Англию и вернули герцогу Харлоу.

Разумеется, скакун не мог заменить герцогу брата, но погибший обожал жеребца, который стоил целое состояние еще до того, как его продали на аукционе за умопомрачительную сумму.

Однако печальная история герцога Харлоу на этом не заканчивалась. Не прошло и двух месяцев после возвращения жеребца, как герцог неожиданно умер во сне. Поскольку жениться он не успел, а его младший брат уже погиб, титул и все его земное достояние, включая жеребца, было продано с аукциона будущим новым герцогом Харлоу, каким-то дальним родственником, который по прибытии в Лондон сразу же оказался в центре скандалов и всяческих бесчинств. Согласно разным источникам, это был игрок, гулена и пьяница, и вдовствующая герцогиня, мать покойного герцога, все еще носившая траур по обоим сыновьям, чуть не волосы на себе

рвала от стыда, глядя, какой позор этот распутник и негодяй навлекает на доброе имя семьи.

Тея, конечно, сочувствовала вдовствующей герцогине, но беды семейства герцога Харлоу ее не касались. Раз уж лошадь все равно купили на аукционе, то с таким же успехом это могла сделать и она сама. В конце концов, раньше этот арабский жеребец принадлежал ей. И не будь ее отец таким эгоистичным чурбаном, он никогда бы его не продал.

– Мне, конечно, очень жаль бедную леди и все семейство Харлоу, но я хотела бы получить эту лошадь вовсе не из-за слухов о ее бывшем владельце, – заявила девушка.

Нет, она хотела вернуть этого жеребца в память о матери. У них была общая страсть – верховая езда. Алабастер, арабский жеребец, родился у маминой кобылы Хелены. И все те месяцы, что мама пролежала в постели, единственной отдушиной для Теи оставалась верховая езда. Она потеряла не только мать, но и свою лошадь. Жеребца буквально выдернули из-под нее. Отец, не теряя времени, продал лошадку жены, а герцог Харлоу, пожелавший купить Алабастера, удвоил сумму, когда узнал, что жеребец от этой кобылы.

Граф, на все готовый ради денег, продал обеих лошадей, пока Тея держала мать за руку, уговаривая выпить хотя бы глоток воды, и протирала влажной губкой ее пылавшее жаром тело. Ему не было никакого дела до умирающей. Все эти месяцы он почти не заглядывал к жене, а о продаже лошадей он известил Тею письмом! Алабастера увезли раньше,

чем Тея успела зайти в конюшню, чтобы в последний раз его увидеть.

Ее всегда трясло от гнева, стоило вспомнить все это. На похоронах матери Тея сказала отцу, что никогда не простит ему это предательство. Граф же списал ее реакцию на возраст – мол, ей всего восемнадцать – и на шок от смерти матери. Подумаешь, лошадь: как будто нет других.

Сейчас, четыре года спустя, когда Тея сказала отцу, что Алабастера выставляют на аукцион, граф смиловился, и они договорились о цене. Тея упростила брата отправиться в Лондон и лично уладить дело. Наконец-то она получит своего жеребца назад! Но ничего не вышло – кто-то заплатил за ее лошадь столько, что уму непостижимо.

– Может, для тебя судьба Харлоу и не имеет значения, – возразил Энтони, – но из-за трагической истории герцога все лондонские любители лошадей отправились в тот день на «Таттерсоллз» с толстыми кошельками. Я никогда не видел там такой толпы: просто безумие какое-то.

Тея стиснула кулаки. Проклятье! Почему ее конь попал к обладателю такой драматической истории? Она тут же упрекнула себя за столь недостойные мысли. Можно ли ставить в вину герцогу Харлоу и его брату. Но Тея никак не рассчитывала на такую жесткую конкуренцию на аукционе. И уж точно не ожидала, что коня продадут дороже, чем отец согласился бы добавить к ее приданому. Но должен же быть какой-то способ выкупить коня у того, кто выиграл аукцион.

О, кстати... Энтони еще не назвал имя того безумца, а теперь – ее заклятого врага.

– И кто у нас такой богатый? – спросила Тея, упершись кулаками в бока и едва не топнув ногой.

– Виконт Клейтон, – ответил Энтони. – Я знал, что у него есть деньги, но, похоже, инвестиции приносят ему куда больше, чем это известно.

– Так и есть, – согласился граф, важно кивая.

– Клейтон? – повторила Теодора, прищурившись, и постукала пальцем по щеке. – Имя вроде бы знакомо, но не могу сообразить, кто это.

– Виконт Клейтон живет здесь, в Девоне. Репутация замечательная: умный, проницательный, образованный, хорошо зарекомендовал себя в парламенте. Насколько мне известно, еще и наукой занимается, – сказал граф.

– Что-то не припомню такого, – сказала Тея. – Он приглашен на наш рождественский бал?

– Да, как всегда, но обычно он присылает отказ с сожалениями. Большую часть времени он проводит в Лондоне. Раньше он жил здесь, но с тех пор прошло уже немало лет. В поместье Клейтонов жили многие поколения их семьи. Теперешний виконт имеет вес не только в парламенте, но и в большой политике, обладает связями в самых верхах.

Тея подошла к окну и, глядя на пастбище, подумала: «Превосходно! Какой-то старый хрыч купил ее лошадь, хотя наверняка уже не сможет ездить верхом. Что, если попы-

таться его переубедить? Воззвать, например, к его состоянию здоровья, возрасту... Возможно, молодая женщина сумеет затронуть мягкие стороны его души и сможет уговорить прислушаться к здравому смыслу». Хорошо, что он их сосед. Ей не придется ехать на край света, чтобы заполучить Алабастера. Если она сумеет убедить виконта Клейтона, что ей нужна эта лошадь не из-за дурной славы, окружавшей прежнего владельца, а потому, что лошадь ей очень нравится, он наверняка согласится продать ей Алабастера... если он джентльмен, конечно.

– Как далеко отсюда имение лорда Клейтона? – обратилась Тея к Энтони и отцу.

– Около часа верхом, – ответил граф. – На восток.

Энтони, прищурившись, посмотрел на сестру.

– Зачем тебе? Что ты задумала?

– Да он меня просто заинтересовал, – отозвалась Тея, спокойно скрестив на груди руки. Нехорошо, если Энтони догадается о ее намерении навестить виконта – если придется, конечно. Брат наверняка ей помешает, ну или хотя бы попытается.

Теодора опять повернулась к окну. В голове лихорадочно метались мысли. Вдобавок к приданому у нее есть деньги, которые оставила ей мать, оговорив также условия, позволяющие Теодоре самой распоряжаться этими деньгами. Таким образом мама обеспечила дочери возможность выйти замуж за того, кого она сама выберет. Но Тея решила воспользо-

ваться этими деньгами, добавив их к приданому, чтобы получить обратно своего коня. В конце концов, это важнее. Кроме того, зачем Тее приданое? Ей уже двадцать два с половиной, и она надежно задвинута на самую дальнюю полку. Смерть матери накануне ее первого выхода в свет позволила Тее пропустить это неприятное событие, а затем, два года спустя, когда отец настоял, чтобы она прибыла во дворец и была представлена королеве (Тею опекала подруга ее матери, леди Хопхаус), она быстренько присела перед ее величеством в реверансе, посетила несколько обязательных приемов и удалилась в загородное имение, где и жила последние два года, игнорируя бесконечные письма леди Хопхаус, которая умоляла ее вернуться в Лондон и заняться поисками мужа. Мужья мало на что годятся, не то что лошади.

Конечно, даже если отец отдаст ей изначально оговоренную сумму, а она добавит к ним приданое и мамины деньги, этого все равно не хватит, чтобы заплатить виконту Клейтону столько, сколько он потратил. И что, скажите на милость, ей тогда делать? Тея пока не придумала, зато точно знала, что начинать нужно с письма виконту, чтобы выяснить, не окажется ли попытка выкупить лошадь тщетной. О том, как раздобыть недостающие деньги, она подумает потом. Да. Сначала нужно написать старому, немощному лорду Клейтону и воззвать к его сердцу... при первой же возможности.

Глава 2

Эван Ферчайлд, виконт Клейтон, стоял у ворот паддока, расположенного позади его особняка, и смотрел, как его последнее (и пока самое экстравагантное) приобретение бежит по полю. За ним приглядывал новый, только что нанятый тренер Форрестер, который должен был обеспечивать арабскому скакуну самое лучшее существование.

За двадцать восемь лет жизни Эван еще ни разу не тратил на покупку столько денег, не говоря уж о лошади. Но этот арабский жеребец просто поразил его: второго такого не существует – во всяком случае, с его точки зрения.

Разумеется, он не собирался столько платить. До такой абсурдной суммы цену поднял лорд Энтони Баллард, сын графа Блэкстоуна, и Эван не мог понять почему. Они никогда не ссорились, поскольку были соседями, но ему показалось, что Баллард из кожи вон готов был вылезти, лишь бы заполучить этого жеребчика. Это Эвана удивило. Баллард совсем не походил на знатока и ценителя лошадей. Может, его впечатлила родословная жеребца? Или он просто один из тех, кого заинтриговала печальная история Харлоу?

Разумеется, Эван не ожидал, что аукционная цена взлетит так высоко, но в конце концов он все же выиграл, а только это и имеет значение. Главное для Эвана – победа, и не важно в чем. Ему нужно было само ощущение, что ты первый,

а значит, лучший. В парламенте он преуспевал, поскольку умел убедить других джентльменов посмотреть на проблемы его глазами. Он как дипломат обладал даром убеждения и мог уговорить кого угодно на что угодно. Но на аукционе эти его таланты не потребовались: там нужен был лишь толстый бумажник, и, к счастью для Эвана, унаследовавшего титул, инвестиции отцовских денег, наконец-то окупились, причем в избытке. Оказалось, что помимо таланта в политике у него имеются способности принимать правильные инвестиционные решения. Кроме того, что такое деньги, когда жизнь висит на волоске?

Эван мог гордиться собой: все его дела содержались в порядке, и любое состязание, в которое вступал, будь то принятие билля в парламенте или приобретение коня на аукционе, он выигрывал. Он давно распланировал свою жизнь до мельчайших деталей. Обладая научным складом ума, он ничего не оставлял на волю случая. Да что там: он даже знал, на ком женится, хотя вовсе не собирался в ближайшее время затянуть на своей шее пасторскую удавку. Но нужно быть готовым ко всему, и Эван всегда был готов. Он и невесту выбирал так же, как принимал все свои решения: расчетливо и точно. Лорд Малькольм был лидером оппозиции в парламенте, и союз между его семьей и Клейтоном поможет уладить многие разногласия в Уайтхолле. Дочери Малькольма, леди Лидии, уже исполнилось двадцать лет, но замуж она вроде бы не спешила – во всяком случае, так утверждал ее отец. Оно

и к лучшему. Эван не испытывал особого желания жениться на ней. Брак с Лидией станет всего лишь выгодным союзом, о каком Эван всегда мечтал. Благодаря ему он станет фактическим лидером в парламенте. Кроме того, связь с этим семейством вкупе с его способностями к дипломатии – это все, что нужно, чтобы проекты его законов принимались своевременно и в полном объеме, по крайней мере самые важные, те, которыми он особенно дорожил.

Помимо политики очень важным в жизни Эван считал дружбу. Близкие друзья были ему как братья. Своих у него не было, поэтому с Кендаллом, Уортом и Беллом, с которыми познакомился в школе, они вскоре стали неразлейвода.

Разумеется, к тому времени Эван уже знал Филиппа, своего лучшего друга. Они подружились в раннем детстве, когда им было лет шесть. Отец Филиппа приехал с визитом к отцу Эвана, и мальчишки мгновенно нашли общий язык: побежали к ручью запускать лодочку, которую Эван сам вырезал из дерева. Случившееся в тот день полностью изменило их жизнь. Эван никогда не забудет этого и всегда будет в долгу у Филиппа.

Никто из ближайших друзей не знал о намерении Эвана жениться на леди Лидии: совсем ни к чему пугать их раньше времени, но они не очень удивятся, узнав, что это брак по расчету, ради политики. Никто из них не собирается жениться ради такой пошлости, как любовь. Ну разве что Кендалл, усмехнулся Эван.

Что касается его самого, для него амбиции куда важнее любви, поскольку помогают продвинуться в жизни и занять более высокую ступень на карьерной лестнице.

Эван оглянулся на особняк. Взгляд его скользнул на большое окно третьего этажа, выходявшее на эту сторону. Спальня Филиппа, которую тот не покидал вот уже несколько месяцев. Другу необходима эта лошадь – вот и все; что тут можно еще сказать.

Эван подошел к ограде паддока и перевел взгляд на подъездную дорожку, куда прибывали карета за каретой, что везли вещи, купленные на лондонском аукционе на этой неделе. Он приобрел почти все, ради чего ездил в город, но главной покупкой, конечно, был жеребец. Эван и Форрестер, тренер, собирались сделать все возможное, чтобы арабский скакун выполнил то, для чего его купили. Они не должны потерпеть неудачу.

Эван снова посмотрел на коня. Жеребец проскакал мимо конюшенного, и тот отлетел назад, опрокинув ведро с водой, которое нес в дальний конец паддока. Эван подбежал и помог мальчику подняться.

– Простите, милорд, – заикаясь, пролепетал мальчишка. – Прошу вас, не выгоняйте меня!

Эван нахмурился, не в силах понять, что так испугало паренька.

– Это ты новенький, которого нанял мистер Херефорд?

– Да, сэр, – судорожно сглотнул мальчик. – Я здесь рабо-

таю всего два дня. Пожалуйста, не выгоняйте меня, милорд!

– Это была всего лишь оплошность, мистер... – Эван замолчал, ожидая, чтобы паренек назвал свое имя.

– Кандл, милорд. Меня звать Джеффри Кандл.

– Вот и хорошо, Кандл. Как я уже сказал, это была всего лишь оплошность, а я не увольняю добросовестных работников за такие мелочи. В следующий раз просто иди с ведром кружным путем, рядом с забором.

На лице мальчика отразилось огромное облегчение, а на потрескавшихся губах появился намек на улыбку.

– Ага, милорд. Конечно. – Он подхватил ведро и заторопился было обратно в амбар, чтобы снова наполнить ведро, но Эван его остановил:

– Скажи-ка, просто любопытно, где ты работал раньше, до прихода сюда?

– В имении лорда Мейфезера, милорд, – ответил мальчик, почему-то вздрогнув.

– Вот как? Что ж, понятно. Можешь идти.

Мальчик убежал, а Эван покачал головой. Лорд Мейфезер, уже старик, жил в обветшалом имении примерно в двух часах езды, славился дурным нравом и плохо обращался со своими слугами. Ничего удивительного, что бедный парнишка так боится увольнения.

Эван опять посмотрел на скакуна. Великолепный жеребец потряхнул гривой и взвился на дыбы, оторвав красивые копыта от утрамбованной земли.

Он нужен Филиппу. Эван не мог подвести друга. В конце концов, он обязан ему жизнью.

Глава 3

Теодора, расправив плечи, глубоко вздохнула и села за письменный стол. Она не особенно любила писать письма, но, если возникала такая необходимость, все-таки писала. На сей раз ей придется хорошенько подумать и сочинить что-то вроде истории. Нет, не лгать, конечно, но ведь ничего страшного не случится, если слегка исказить правду, раз уж это совершенно необходимо? Нет, ну в самом деле?

Она уже успела зачеркнуть несколько строчек на очередном листе веленовой бумаги и собиралась начать заново. Тея откашлялась и приступила к делу, повторяя написанное вслух:

– «Уважаемый лорд Клейтон, мой брат сообщил, что на аукционе вы выиграли арабского скакуна, ранее принадлежавшего герцогу Харлоу. Я хотела бы узнать, не желаете ли вы продать эту лошадь мне».

Черт побери! Нет. Это слишком банально. Тея зачеркнула написанное.

– «Уважаемый лорд Клейтон, похоже, у нас с вами есть что-то общее – любовь к хорошим лошадям. Не продадите ли вы мне арабского скакуна? Я буду вам вечно благодарна».

Нет. Нет! Слишком безысходно. Тея зачеркнула написанное.

– «Уважаемый лорд Клейтон, позвольте вам представиться. Меня зовут леди Теодора Баллард. Я дочь графа Блэкстоуна, и мы с вами соседи. Я хочу купить вашу лошадь».

Фу-ты! Слишком прямолинейно.

– «Уважаемый лорд Клейтон, возможно, вам это неизвестно, но Алабастер, арабский скакун, будучи жеребенком, принадлежал мне. Я люблю его с самого детства. На прошлой неделе мой брат попытался выкупить его для меня, но, похоже, ваше желание обладать этим конем так же велико, как наше, даже сильнее, раз уж вы выиграли этот аукцион. Я обращаюсь к вам как к владельцу и любителю лошадей. Не могли бы вы рассмотреть мое предложение выкупить у вас этого коня за полную цену, которую вы заплатили? Я была бы вам вечно благодарна. Кроме того, вы, возможно, уже жалеете о том, что потратили на него столь непомерно высокую сумму.

Теодора Баллард».

Она перечитала написанное несколько раз и вычеркнула строчку насчет сожалений о непомерной сумме: это может его рассердить.

– Что думаешь, Мэг? – спросила Тея у камеристки, занятой мелким ремонтом одежды.

– Почему вы не упомянули, что ваш отец продал Алабастера, даже не поставив вас в известность?

Тея немного подумала.

– Вряд ли ему это было бы интересно. Возможно, он просто хочет получить назад свои деньги, и я намерена их ему отдать.

Мэгги покачала головой.

– Надеюсь, вы хорошо все обдумали и в один прекрасный день не пожалеете о принятом решении.

Тея поджала губы.

– Я могу сожалеть лишь о том, что этот пронырливый старикашка виконт Клейтон вынудил меня потратить так много, чтобы получить то, что я хочу.

– Но ведь есть же и другие лошади, – осторожно заметила Мэгги.

– Даже не вздумай меня отговаривать! – воскликнула Тея, закрыв ладонями уши, давая понять, что не желает об этом слушать. – Алабастер один, и другого не будет никогда.

– Господи, как же вы упрямы! – буркнула Мэгги, возведя глаза к потолку. – Отлично, отправляя свое письмо. Но я и вправду не представляю, как ты раздобудешь такую уйму денег.

Тея пожала плечами. С тех пор, как услышала, за какую цену ушел Алабастер, она только об этом и думала.

– Я решила написать дядюшке Тедди. Он богат, как Крез, и любил мою маму до безумия.

– И вы думаете, он даст вам столько денег? – с сомнением уточнила Мэгги.

– Не вижу, почему бы и нет. Кроме того, это будет всего лишь ссуда.

– Ссуда? – Мэгги наморщила лоб.

– Ну да. Я пообещаю когда-нибудь вернуть ему эти деньги. Может, конечно, мне придется всю жизнь откладывать мои деньги «на булавки», но я их ему верну.

Мэгги понизила голос, взгляд ее смягчился.

– Тея, вернув этого коня... вы же не вернете леди...

– Не смей! – не дала ей договорить хозяйка, чувствуя, как от подступающих слез щиплет глаза. – Я получу Алабастера обратно, чего бы это ни стоило.

Мэгги отвела взгляд, кивнула и склонилась над шитьем.

* * *

Тея жила в напряженном ожидании целых два мучительных дня, пока не получила наконец ответ от виконта Клейтона. Сама она отправила лакея со своим письмом прямо в имение виконта, а его ответ пришел по обычной почте. Он даже не потрудился подумать, насколько этот ответ для нее важен.

Едва дворецкий протянул письмо, она сломала печать

и, задержав дыхание, быстро просмотрела написанное. Сердце в груди отчаянно колотилось.

«Уважаемая леди Теодора, я тронут вашей историей и сочувствую вашей утрате, но расстаться с арабским жеребцом не могу. У меня тоже есть для этого причины. Это прекрасный конь.

Лорд Эван Ферчайлд, виконт Клейтон».

Теодора перечитала письмо, перевернула листок: пусто. Но должно же быть еще хоть что-нибудь!

– И все? Это все, что он может мне сказать?! У него есть «причины»? Он даже не потрудился написать какие!

Мэгги наморщила носик.

– Он и не обязан ничего вам говорить.

Тея с трудом сдержалась, чтобы не стукнуть кулаком по столу.

– Ты права, но все равно с его стороны это не по-джентльменски. Я же написала, как сильно люблю Алабастера.

Она вытащила лист веленовой бумаги, чтобы ответить бессердечному старику.

«Уважаемый лорд Клейтон, я понимаю, что у вас могут быть свои причины желать Алабастера, хотя вы их и не называли, но вы даже представить не можете, что для меня означает его утрата. Пожалуйста, назовите свою цену. С нетерпе-

нием жду вашего ответа.

Леди Теодора Баллард».

Достаточно кратко и ясно, верно? Он никак не сможет принять это за какую-нибудь хитрую тактику переговоров. Она хочет вернуть эту лошадь и ни перед чем не остановится, чтобы получить ее.

На этот раз ответа пришлось дожидаться еще дольше, и Тея несколько раз порывалась отправиться напрямик в его имение. Мэгги, разумеется, ее отговаривала. Наконец, спустя неделю, ответ пришел.

«Уважаемая леди Теодора, с глубоким сожалением вынужден сообщить, что ничто в мире и никакие деньги не заставят меня расстаться с Алабастером. Как вы, вне всякого сомнения, знаете сами, с этим конем никакой другой не сравнится. Я высоко оценил ваши познания: вы прекрасно разбираетесь в лошадях».

Взор Теодоры застлало красной пеленой. Она смяла письмо в кулаке, лицо ее запылало от гнева. Да как он смеет мало того что отказывать ей, да еще и таким покровительственным тоном!

В комнату торопливо вошла Мэгги.

– Что он написал на этот раз?

– Отказался от моего предложения, – зло процедила Тея. Мэгги склонила голову набок.

– Не понимаю. Вы просили его назвать цену?

– Просила! – с негодованием ответила Тея.

Лицо Мэг вытянулось.

– Мне ужасно жаль! Если он отказался от твоего предложения, значит, твердо намерен не продавать коня.

Тея с ненавистью посмотрела на гнусное письмо, которое бросила на стол. Она больше не будет ему писать. Этот мерзкий человечешка не оставил ей выбора. Если она посмотрит ему в глаза, он не сможет так запросто отказать ей. Делать нечего: придется нанести ему визит.

Глава 4

Эван и мистер Форрестер сидели за письменным столом в кабинете виконта, увлеченные разговором, и угощались виски.

– Чистая правда, милорд, – с энтузиазмом проговорил Форрестер. – Я много лет подробно изучал этот вопрос. Существуют даже научно доказанные методы лечения некоторых заболеваний, включая душевные недуги, при помощи общения с животными. Это улучшает психическое состояние и уменьшает тревогу и беспокойство. Подобная практика была зафиксирована еще во времена римлян. Все это подробно описано.

– Именно поэтому я и пригласил вас к себе, Форрестер, – сказал Эван, откидываясь на спинку кресла.

– Спасибо за доверие. Мне приходилось работать с людьми, пережившими сильнейшее нервное потрясение, очень похожее на состояние вашего друга.

– Боюсь, будет непросто убедить его начать лечение, – отозвался Эван. – Филипп не сказал ни единого слова с тех пор, как приехал сюда прошлым летом.

– К сожалению, это довольно распространенное явление, милорд.

– Этот конь – моя последняя надежда. Я очень рассчитываю, что Филипп отреагирует на него.

– Араб – великолепное животное, милорд. Кто бы за ним ни ухаживал по возвращении из Португалии, он делал это превосходно.

– Рад слышать. Думаю, начать...

Стук в дверь не дал Эвану договорить. На пороге стоял Хамболт, его дворецкий.

– Прошу прощения, что прервал вас, милорд, но к вам пришли с визитом.

Эван нахмурился.

– С визитом? Странно. В деревню мало кто приезжает осенью, разве что по приглашению на охоту... Кто это, мистер Хамболт?

Дворецкий пожал плечами и опустил взгляд.

– Это... э-э-э... леди, милорд, молодая.

– Леди? – удивился Эван. – Что, одна?

– Одна, милорд, – кивнул Хамболт и украдкой взглянул на мистера Форрестера, словно сожалел, что вынужден сообщать такие новости при постороннем.

Эван задумался: кто бы это мог быть? Он знал всего нескольких молодых леди в этих краях, но вряд ли хоть одна из них могла явиться к нему с визитом, да еще без сопровождения. Кроме того, он не заводил здесь интрижек и не имел любовниц. Все известные ему леди жили в Лондоне, в том числе его нареченная Лидия. Но она не приехала бы так далеко и уж точно не явилась бы одна.

Форрестер приподнялся.

– Мне уйти, милорд?

– Нет-нет, – возразил Эван. – Мне хотелось бы продолжить наш разговор. – Леди назвала свое имя, мистер Хамболт? – повернулся он к дворецкому.

Дворецкий бросил на мистера Форрестера еще один обеспокоенный взгляд.

– Да, милорд. Это леди Теодора Баллард.

Баллард. Ну конечно. Эван уже получил несколько писем от этой женщины. Она пыталась уговорить его продать арабского жеребца. Он ей отказал, но, очевидно, она не из тех, кто готов смириться. Однако ее появления он никак не ожидал. Это раздражает.

– Вы сказали, она явилась одна, Хамболт? – уточнил Эван. Дворецкий откашлялся.

– Ее сопровождает камеристка, милорд, но она осталась в карете.

Как любопытно. Эван поскреб подбородок. Он уже наводил справки о леди: младшая сестра лорда Энтони Балларда, не замужем, но не просто не замужем, а уже никому не интересна, если то, что он слышал, правда. Надо полагать, дамочка считает, что, явившись сюда, заставит его передумать. Во-первых, она глубоко заблуждается: он не изменит своего решения, а во-вторых, у него нет времени на бессмысленные разговоры со взбалмошной старой девой, не способной понимать очевидное. Эван почувствовал раздражение и, вздохнув, приказал:

– Хамболт, скажите леди, что я занят и принять ее не могу.

– Вы уверены, милорд? – спросил дворецкий, выгнув седую бровь.

– С каких это пор вы стали сомневаться в моих решениях? – повысил голос Эван.

Не выполнить его приказ немедленно? Не похоже на Хамболта.

Лицо дворецкого вспыхнуло.

– Вовсе нет, милорд. Просто... – Он запнулся, явно подбирая слова. – Просто она вряд ли согласится так легко уйти.

На этот раз бровь изогнул Эван.

– В таком случае немедленно мне сообщите: я сам ее провожу.

– Как скажете, милорд. – Хамболт поклонился и вышел.

Эван снова повернулся к тренеру.

– Прошу прощения, Форрестер. На чем мы остановились?

Но из того, о чем тот говорил, Эван почти ничего не слышал, мыслями то и дело возвращаясь к разговору с Хамболтом и к переписке с леди Теодорой Баллард. Из писем леди он понял, что отказ продать коня очень ее расстроил. Кроме того, ему не давала покоя ее готовность вернуть ту немислимую сумму, которую он выложил. Ее брат повышал ставку на аукционе наверняка ради сестры. Но если у Балларда столько денег, почему он не выиграл? Тогда Эван решил, что для графского сына цена оказалась чересчур высокой. Что-

то здесь явно не складывалось.

Эван хорошо мог понять разочарование леди Теодоры, но продавать ей скакуна не собирался, да и вообще разговаривать наедине: это повредит ее репутации. Так что, не желая ее принять, он оказывает ей услугу. Кроме того, стоило представить, как леди примется со слезами умолять его продать ей коня, и Эвану становилось дурно. Нет, лучше уж отправить ее восвояси, чтобы не думала, будто он смягчится и уступит.

Форрестер тем временем все говорил, а Эван никак не мог сосредоточиться. Из головы не выходила леди Баллард. Дамочка определенно слишком самоуверенна, иначе не явилась бы в его дом без приглашения после того, как он ясно дал ей понять в письмах, что продавать Алабастера не намерен.

– Таким образом, милорд, как вы видите, у нас не меньше шансов при лечении, чем у других, – ворвался в его мысли голос Форрестера.

– Хорошо, это очень хорошо, – рассеянно буркнул Эван, пытаясь представить себе, как выглядит леди Теодора.

Поскольку она старая дева, то, скорее всего, невзрачная. Или же найти пару ей помешал ужасный характер? Он припомнил, что однажды видел ее в имении графа, но это было много лет назад. Нет, представить, как она может выглядеть сейчас, не получалось.

Мистер Форрестер все говорил и говорил, и Эван заер-

зал в кресле. Проклятье! Почему он не может переключиться с этой молодой нахалки на более важные дела?

Тело его как будто жило отдельно от сознания. Эван встал.

– Прошу прощения, Форрестер, я вас на минуту оставлю. Скоро вернусь.

Пока стремительно шагал в сторону гостиной, Эван твердил себе, что не намерен принимать эту дамочку в своем доме за ее беспардонное поведение, но взглянуть на нее хотелось бы. По какой-то необъяснимой причине он испытывал непреодолимое желание сопоставить внешность с характером: вдруг столкнется с ней когда-нибудь в будущем – в городе на рынке или даже в Лондоне. Он должен знать, в ком обрел врага, и отвернуться, если им придется встретиться лицом к лицу.

Уже перед дверью гостиной Эван сообразил, что все это время задерживал дыхание, и, глубоко вздохнув, услышал громкий, отчетливый голос Хамболта:

– Я же вам сказал, миледи: виконт Клейтон ясно дал понять, что не сможет сегодня вас принять.

– Вы сказали ему, что я приехала издалека? – резко произнес высокий женский голос.

Эван вскинул брови. Как Хамболт и предполагал, дамочка вовсе не собиралась уходить. При обычных обстоятельствах такое нахальство не осталось бы без внимания: он сам зашел бы в гостиную и проводил девицу к выходу, но сегодня оно только возбудило его любопытство.

– Я назвал виконту ваше имя, миледи, но известно ли ему, откуда вы, понятия не имею, – проговорил Хамболт.

Эван подошел к неплотно закрытой двери и заглянул в щелку.

Она стояла перед кушеткой. Светло-зеленое платье, меховая накидка, длинные белые перчатки, кожаные дорожные ботиночки и шляпка по последней моде с широкой зеленой лентой. Высокая, стройная, темные волосы выбиваются из-под шляпки. Ему был виден ее профиль – вполне привлекательное личико, – но когда она повернулась к двери, Эвана поразил стальной блеск зло прищуренных серых глаз. Она была совершенно ошеломительна в гневе, другого слова не подобрать. Неудивительно, что Хамболт нервничал: такая не уйдет спокойно. В этой женщине все говорило о взрывном характере.

В серых глазах полыхнул огонь, словно кузнец ударил по наковальне и высек в их глубине искры. Эван внимательно наблюдал за ней, но какой бы привлекательной она ни была, продавать коня ни ей, ни кому-либо другому он все равно не собирался.

– Вынуждена сказать вам, мистер Хамболт, что меня это не устраивает, – слышался надменный, самоуверенный голос леди. – Я не намерена уходить, пока не поговорю с виконтом.

Хамболт заявил спокойно, но твердо:

– Прошу прощения, миледи, но это совершенно невоз-

можно...

– Я подожду, – резко бросила леди и уселась на кушетку, положив руки на колени.

Ну все, довольно. Больше это продолжаться не может. Эван пинком распахнул дверь и вошел в гостиную.

– Спасибо, Хамболт, вы свободны. Раз я уже здесь, то хочу кое-что сказать нашей гостье.

Глава 5

Эван быстро пересек комнату, не отрывая взгляда от леди Теодоры. В ее глазах по-прежнему пылал гнев, но появилось и что-то еще. Торжество. Увидев его, она наверняка решила, что победила.

– Милорд. – Хамболт поклонился и вышел, но Эван знал, что он останется за дверью на случай, если понадобится помощь.

Леди Теодора скупой, но в то же время торжествующей улыбнулась вслед дворецкому.

Эван стиснул зубы, но вовремя вспомнил о хороших манерах.

– Миледи. – Вряд ли его тон можно было назвать любезным, но он все же заставил себя галантно поклониться. – Прошло так много лет. Рад снова видеть вас.

Оба знали, что это, мягко говоря, ложь, но приличия есть приличия.

Теодора вздернула подбородок.

– К сожалению, я не припоминаю нашу первую встречу, милорд. Благодарю вас за оказанную мне честь и уделенное время. – С ее губ буквально сочился сарказм.

– Как мистер Хамболт наверняка уведомил вас, в данный момент я занят с другим визитером, который ждет меня в кабинете. Итак, что привело вас ко мне, миледи? – фальшиво

улыбнулся Эванс.

На мгновение она слегка растерялась, словно не ожидала, что он сразу приступит к делу, и не успела подготовить свою следующую реплику, но смятение быстро сменилось блеском в глазах, и это заставил Эвана насторожиться.

Она скрестила руки на груди, и Эван увидел зеленый ридикюль, свисавший с ее запястья. Она тоже не стала терять время попусту:

– Я желаю купить у вас арабского жеребца герцога Харлоу.

Он выдержал паузу, потом ответил:

– Это мне известно. Мой ответ по-прежнему – нет.

На ее хорошеньком лице промелькнула досада.

– Что, мы это даже не обсудим?

Эван видел: она изо всех сил старается держаться дружелюбно, – и едва не расхохотался над этой жалкой попыткой. Еще его злило, что она отнимает у него время.

Эван сцепил руки за спиной.

– Тут нечего обсуждать. Мне казалось, в последнем письме я выразился абсолютно ясно. Сожалею, что вам пришлось потратить время на поездку сюда.

Она вздернула подбородок.

– Я приехала, чтобы обсудить условия.

Эван стиснул зубы. Господи, до чего же она упряма!

– Нет никаких условий: араб не продается. А теперь, если вы позволите... – Он жестом указал на дверь.

– Это моя лошадь. – Ее гневный, резкий голос словно уда-

рылся о стены комнаты.

Эван опять повернулся к ней и натянул на лицо улыбку.

– Вовсе нет, моя.

Она с такой силой потянула за шнурки ридикюля, что Эван подумал: «Сейчас лопнут».

– Почему вы отказываетесь? – спросила она, изо всех сил стараясь говорить спокойно. – Вы даже не выслушали мое предложение!

Эван скрестил руки на груди и, чуть склонив голову, посмотрел на девушку сверху вниз. Что-то в этой леди заставляло ее выслушать, даже если ответ будет по-прежнему «нет».

– Надеюсь, я могу спросить, почему обсуждать вопрос о продаже коня приехали вы, а не ваш, к примеру, брат или отец?

– Вы уже спросили! – отрезала она, вскинув свои длинные темные ресницы. Фальшивая улыбка словно приклеилась к ее лицу. – И я вам отвечу: если я хочу, чтобы что-то было сделано хорошо, то делаю это сама.

– Неужели? – усмехнулся Эван.

Неудивительно, что эта нахалка до сих пор не вышла замуж. Какой мужчина в здравом уме захочет иметь дело с ее жестким характером и вспыльчивым нравом?

– Именно так! – кивнула леди Теодора. – Если бы меня пустили на тот аукцион, конь уже был бы моим.

Эван продолжал наблюдать за ней. Он еще никогда не встречал леди, столь уверенных в себе и столь агрессивных,

несмотря на почти юный возраст. Большинство знакомых ему дам манерничали, хихикали, прикрывая рот носовым платочком, и делали вид, что падают в обморок. Эван мог бы поклясться, что леди Теодора ни разу в жизни не падала в обморок.

– Вы позволите задать вам еще один вопрос?

– Безусловно, – ответила гостья, и плечи ее слегка расслабились.

Эван видел, что она по-прежнему старается вести себя дружелюбно в надежде, что он передумает и все-таки предаст ей коня. Она, конечно, глубоко заблуждалась, но пусть продолжает изображать любезность, покуда может.

– Вы когда-нибудь... лишались чувств?

Она расправила плечи и с усмешкой ответила:

– Разумеется, нет. Обмороки – для жеманных дурочек.

Эван кивнул, стараясь не рассмеяться.

– Почему-то я знал, что вы ответите именно так.

– Давайте не будем зря тратить ваше драгоценное время, милорд, да и мое тоже, – предложила леди Теодора и глубоко вздохнула. – Я знаю, сколько вы заплатили за лошадь, и наверняка теперь сожалеете об этом.

Он усмехнулся: да уж, это не в бровь, а в глаз, но все же возразил:

– С чего вы взяли? Ничуть.

Непонятно, что за игру она затеяла, но неужели рассчитывала добиться своего, если даст понять, что только идиот

мог столько заплатить за жеребца?

Она прищурилась.

– Никто и никогда не платил столько за лошадь!

– Теперь заплатил, – ответил он просто.

– Даже за Пегаса, прямого потомка самого Годольфина Арабиана, не дали так много на «Таттерсоллзе» два года назад! – упрямо заявила Теодора.

– Знаю, – кивнул Эван, продолжая внимательно ее рассматривать. – Его купил мой друг, герцог Уоррингтон. Похоже, вам многое известно о лошадях и ценах на них.

– Уж поверьте, известно. Я досконально изучила этот вопрос. Постоянно читаю газеты и просматриваю сводки с аукционов с тех самых пор, как у меня украли Алабастера.

– Украли? – Брови Эвана взлетели вверх. – Я ничего не слышал об этом.

Она кашлянула.

– Ну, не то чтобы украли, просто четыре года назад мой отец продал коня герцогу Харлоу, даже не поставив меня в известность.

Эван сдержался и не стал ей напоминать, что считать лошадь своей она могла исключительно по усмотрению ее отца. Они оба это знали, и говорить об этом не имело смысла.

Вместо этого Эван произнес:

– Жаль это слышать, конь прекрасный, но позвольте мне больше не тратить ваше драгоценное время, миледи. У меня нет ни малейшего намерения продавать араба. И никакие

деньги не смогут поколебать мое решение.

Она даже рот открыла от изумления.

– Почему? Это же неразумно!

– Предпочитаю называть это исчерпывающим.

В ее глазах мелькнула паника. Теодора окинула взглядом комнату и сказала:

– Что, если я предложу вам двойную цену?

Эван изогнул бровь.

– Вдвое больше, чем я заплатил на аукционе? Вы уверены, что знаете точную сумму?

Ее глаза сощурились до щелочек.

– Я не слабоумная и не ребенок, милорд. Мне точно известно сколько, и цену деньгам я тоже знаю.

Эван сжал губы, чтобы не рассмеяться. А у нее есть хватка, у этой дамочки, надо отдать ей должное. Похоже, она никого и ничего не боится и точно знает, чего хочет.

– Простите за любопытство, миледи, но у вас имеется такая сумма?

В выразительных глазах опять мелькнула паника, и она призналась, стискивая ридикюль.

– В данный момент нет, но я вполне в состоянии ее раздобыть. Мне просто нужно немного времени.

Эван покачал головой и шагнул к двери. Достаточно этой чепухи. Если бы Энтони Баллард или его отец хотели заплатить столько, сколько она предлагает, он бы не выиграл аукцион. Вдвое больше – это невероятная сумма. Кроме то-

го, леди Теодора явно не искушена в переговорах, раз сразу предложила столько. Последнее, что сейчас нужно было Эвану, – нажиться на дочери соседа, лорда Балларда.

– И все-таки нет, миледи, хотя я ценю ваше умение разбираться в лошадях. Конь не продается ни за какие деньги. Жаль, что я не могу взять вас с собой на следующий аукцион. Честно говоря, мне бы не хотелось участвовать в торгах против вас. – Он широко распахнул дверь и жестом предложил Теодоре выйти. – А теперь прошу прощения, но день у меня очень напряженный. Я попрошу Хамболта проводить вас к выходу.

Эван успел сделать всего шаг, как услышал ее громкий голос.

– Вы что, ненормальный?

Он остановился и повернулся к ней.

– Миледи?

– Вы отказываетесь от двойной цены?

Грудь ее высоко вздымалась, глаза метали серое пламя. Право же, она просто великолепна. Жаль, что невыносима.

Эван напомнил себе, что дышать надо глубоко. Он привык к жарким дебатам в парламенте и давно понял, что обычно побеждает самая холодная голова. Остается только гадать, как этой леди удалось вывести его из себя. Куда делось его хваленое хладнокровие?

Он посмотрел на нее сверху вниз и жестоко произнес:

– Нет, я вполне нормальный, мадам. Просто не все в этой

жизни продается.

– Превосходно. – Ее буквально трясло от ярости, но все же она сумела произнести почти спокойно: – Могу я по крайней мере увидеть Алабастера, милорд?

Эван несколько секунд молча смотрел на нее, затем с его губ сорвалось одно слово: простое, невозмутимое, холодное:

– Нет.

– Нет? – Ее глаза от удивления округлились, губы крепко сжались, ноздри раздулись. – Могу я спросить почему?

– Спросить можете, но, боюсь, ответ вам не понравится.

– А вы проверьте, милорд. – Она опять обхватила себя руками.

– Очень хорошо, леди Теодора. Похоже, вы никогда не слышали слова «нет», и я убежден, что вам пойдет на пользу услышать его хотя бы раз, – произнес он сдержанно, не повышая голоса, хотя его буквально трясло от гнева.

Девушка опустила голову и молча уставилась в пол. Казалось, что время остановилось, и на один ужасный миг Эвану почудилось, что он зашел слишком далеко. В конце концов, он джентльмен, а она незамужняя леди, его соседка. Грубость этой нахалки выбила его из колеи, но не повел ли он себя чересчур не по-джентльменски? Сказал лишнее? Вдруг дамочка разразится слезами прямо у него в гостиной? Или уже? Однажды леди Лидия при нем залилась слезами, так он чуть с ума не сошел. Ему вообще кажется, что девицы слишком часто плачут по пустякам.

Эван настороженно наблюдал, как леди Теодора вскинула голову, расправила плечи, поджала губы и, подхватив юбки, без малейших следов слез заявила голосом, полным яда:

– Очень хорошо. Раз уж мы начали говорить друг другу то, что собеседник должен услышать... Вы, виконт Клейтон, настоящая задница.

Она прошла мимо него к двери и с такой яростью ее распахнула, что та с грохотом ударилась о стену коридора.

Эван удивленно смотрел ей вслед с улыбкой на губах. Как, черт возьми, до этого дошло? В парламенте он славился своими дипломатическими способностями, а тут за несколько минут нажил себе врага в лице леди Теодоры Баллард. Впрочем, нахалка не оставила ему выбора. Девушка привлекательна и, надо полагать, хорошо воспитана, но настоящая мегера, если судить по представлению, что устроила у него в гостиной. Укол вины за то, что отказался позволить ей посмотреть на коня, быстро сменился гневом при мысли об оскорблении, которое она ему нанесла. Девушка определенно жуткая эгоистка. Пусть она и хороша собой, но красота мало что значит при столь сварливом характере.

Сначала она ему писала, затем явилась без приглашения. Эван повернулся и направился обратно в кабинет, чтобы продолжить разговор с Форрестером, но никак не мог избавиться от ощущения, что это не последняя встреча с леди Теодорой Баллард.

Глава 6

Один из лакеев виконта Клейтона помог Тее забраться в карету, стоявшую на подъездной дорожке перед особняком. И как только дверца за ней захлопнулась, она едва ли не в полный голос разразилась бранью:

– Черт бы побрал этого старого похотливого козла!

Мэгги, сидевшая напротив, уронила на колени шитье и поморщилась.

– О нет! Значит, все плохо.

– Не плохо, отвратительно! – поправила ее Тея, едва не задыхаясь от злости.

Чтобы немного успокоиться, девушка начала расправлять юбки по красному, обитому бархатом сиденью. Кучер тронул лошадей, и карета покатила в сторону отцовского имения.

– Он просто омерзителен! – добавила Тея и, сдернув с запястья ридикюль, швырнула на сиденье. – Тупое животное!

Мэгги взяла шитье в руки и ровным голосом небрежно уточнила:

– Что, совсем старик?

– Вообще-то нет, – со вздохом призналась Тея, скорчив гримасу, и уставилась в окно. – Он намного моложе, чем описывал отец. Вряд ли ему больше тридцати.

– Вот как? – не отрывая глаз от рукоделия, сказала Мэгги, без особого интереса, поскольку вместе с Теей пережила

не один десяток драм и давно научилась относиться к ним спокойно. – Красивый?

У Теи отпала челюсть.

– Красивый? Да ты что, оглохла? Я же только что сказала, какой он отвратительный! Почему ты спрашиваешь?

Мэгги пожала плечами.

– Я решила, что он отвратительный не внешне, а потому что не хочет продавать тебе коня.

– Он действительно отказался продать мне Алабастера! Этот человек просто ничтожество! – объявила Тея, разглаживая юбку.

– Так все-таки какой: похотливый или отвратительный? – спокойно уточнила Мэгги, протыкая иголкой ткань.

Тея раздраженно фыркнула.

– И то и другое!

– Ну хорошо, а как внешне? – не унималась Мэгги.

Тея обхватила себя руками и сердито уставилась на подругу, обдумывая ответ. Пришлось признаться хотя бы самой себе, что он и вправду очень привлекательный, и это злило ее еще больше, будь оно все проклято! Когда он только вошел в гостиную, Тея подумала, что это управляющий или кто-нибудь из прислуги, кого прислали прогнать ее, но когда до нее дошло, что это сам виконт Клейтон, это несколько ее озадачило. Разумеется, она не позволила себе показать это, поскольку ожидала нелицеприятного разговора, но все же не могла не оценить стройную фигуру и высокий рост мужчи-

ны со светлыми волосами и такими божественно голубыми глазами, каких ей видеть еще не доводилось. Он смотрел на нее так, словно знал все ее тайны, и с такой пронизательной мудростью, что Тея сразу поняла – весь ее артистизм, все привычные приемы и штампы на него не действуют. Она, конечно, все равно попыталась, но ничего не получилось.

– Какая разница, хорош он или нет? – рявкнула Тея.

Мэгги со своими дурацкими вопросами о внешности вивонта довела ее до срыва.

– О, это значит, что он очень даже ничего, – многозначительно кивнула камеристка.

Проклятье! Мэгги слишком хорошо ее знает: раз Тея отказалась отвечать, значит, ответ был «да».

– Привлекательность не играет никакой роли! – упрямо заявила Тея, задрав носик.

Карета уезжала все дальше и дальше от ее любимого Алабастера. Девушка уставилась в окно, на ярко окрашенные осенние деревья.

– Ну хорошо, – проговорила Мэгги, не отрываясь от шитья. – И что сказал этот отвратительный человек?

Тея тяжело вздохнула.

– Он не только отказался мне его продавать, но и не разрешил даже посмотреть на него!

Мэгги удивленно подняла брови.

– Хм, это и вправду отвратительно. Что же ты ему такое сказала, чтобы так настроить против себя?

Тея поджала губы и наморщила носик.

– Почему ты считаешь, что это моя вина? Может, он просто такой гадкий?

Мэгги оторвалась от рукоделия и бросила на Тею долгий, в высшей степени скептический взгляд.

– Позволь напомнить, что я знаю тебя достаточно хорошо и не сомневаюсь, что в диалоге с виконтом Клейтоном твои фразы не могли не быть оскорбительными, причем настолько, что тебя выставили из дома, даже не позволив взглянуть на коня.

Тея неловко заерзала на сиденье. Мэгги, как всегда, права. С сожалением приходилось признать, что именно она так разозлила виконта, что он не разрешил ей увидеть Алабастера. Отчего она вдруг потеряла самообладание? Неужели виной тому только бездушный отказ виконта обсудить условия?

– В жизни не испытывала такой неприязни к человеку при первой же встрече! – заявила Тея.

Мэгги вздохнула.

– Ты так и не ответила на мой вопрос. Что ты ему сказала, чтобы так разозлить?

Тея нахмурилась, но лгать Мэгги не имело смысла.

– Ну ладно. Вроде бы спросила, нормальный ли он.

У Мэгги отвисла челюсть.

– Да он же вел себя совершенно безрассудно! – огрызнулась Тея. – Вот я и решила, что он псих.

Мэгги покачала головой.

– Потому что не захотел продавать тебе коня, за которого заплатил бешеные деньги на аукционе? Это его право.

– Но я предложила ему двойную цену, – возразила Тея, словно это все объясняло.

Глаза Мэгги стали огромными, как блюдца.

– Двойную? Двойную от чего?

– От цены, уплаченной им на аукционе. – Тея отвернулась, не в силах смотреть на осуждение в глазах Мэгги, признаваясь в собственном безрассудстве.

Мэгги понизила голос до еле слышного шепота.

– У тебя нет таких денег.

Тея провела пальцем по окну.

– Я это знаю, но он-то нет. Какой безумец откажется от такой суммы? – Она неуверенно взглянула на камеристку.

Мэгги ущипнула себя за переносицу и закрыла глаза, словно у нее началась мигрень.

– Значит, ты назвала его ненормальным и он тебя выгнал?

Тея медленно кивнула.

– Да, именно так, но сначала я попросила разрешения посмотреть на Алабастера, и только потом он попросил меня уйти. Но перед этим проявил совершенно неслыханную наглость, заявив, что, по его мнению, я никогда прежде не слышала слова «нет» и мне это абсолютно необходимо.

С губ Мэгги сорвался смешок, но она быстро прикрыла рот рукой и сказала в изумлении полушепотом:

– Не может быть!

Тея закатила глаза.

– Еще как может.

Мэгги подалась вперед.

– И что ты ему ответила? Даже представить не могу, насколько это было дерзко.

Тея поморщилась и пожала плечами.

– Обозвала его задницей и ушла.

Рука Мэгги снова метнулась ко рту: на этот раз камеристка испытала настоящий шок.

– О святые небеса! Неужели ты и правда так и сделала?

– Но он и действительно задница, – решительно произнесла Тея и даже топнула ногой.

– Возможно, но ты же знаешь, что нужно было держать себя в руках: не опускаться до личных оскорблений. – Мэгги строго смотрела в глаза своей подопечной.

Тея поморщилась. Мэгги редко ее в чем-то упрекала, но на этот раз она действительно это заслужила. Гордиться было нечем. Надо же было так взбеситься, чтобы повести себя настолько недостойно леди. Взгляд, которым Мэгги ее наградила, говорил сам за себя. Обе девушки думали об одном и том же – мать Теи никогда не одобрила бы столь дикого поведения своей единственной дочери. И уже не имело значения, что это произошло при соседу и пэре: мать Теодоры не допустила бы ничего подобного даже перед самым младшим слугой, да и дочь воспитывала не грубиянкой и не фурией.

– Остается только надеяться, что виконт не нанесет визит твоему отцу, чтобы рассказать о твоём поведении, – добавила Мэгги.

Тея обмякла на сиденье и опять крепко обхватила себя руками, словно ей было холодно, обдумывая сложившееся положение. Хотя она и вела себя, как капризная школьница, ей по-прежнему очень хотелось увидеть Алабастера.

– Об этом я не подумала, – проямлила Тея.

– Ты особенно не переживай, – посоветовала Мэгги, хлопав Тею по коленке. – Думаю, лорд Клейтон был просто счастлив избавиться от тебя.

– Рано радуется, – буркнула Тея.

– Это ты о чем? – насторожилась Мэгги.

– Да плевать мне на этого Клейтона! Алабастер – мой, и я не позволю этому человеку помешать мне увидеть его.

Мэгги покачала головой.

– И что ты намерена делать?

– Я думаю... я собираюсь... – Тея выглянула в окно и увидела на дорожке мальчишку-грума. В голове тут же мелькнула идея, безумная, но все вполне могло получиться. – Знаешь, если ты сошьешь мне мальчишечью одежду, то я попытаюсь... Мне нужны бриджи, шейный платок и... что там еще.

– Бриджи? – Глаза Мэгги едва не вылезли из орбит. – И мальчишечью рубашку?

– Да, – энергично кивнула Тея. – И еще картуз, чтобы

спрятать волосы.

Мэгги зажмурилась и сглотнула.

– Я уверена, что пожалею, миледи, но все-таки спрошу: зачем вам все это?

Тея повернулась и одарила подругу полубезумной улыбкой: она надеялась сойти за подростка, хотя бы временно, чтобы увидеть свою лошадь.

Глава 7

Эван легонько постучал в дверь спальни, но ответом ему была тишина, как всегда. Он немного подождал, повернул ручку и толкнул дверь.

Горничная, как и каждое утро, уже приходила, раздвинула шторы, и через большие застекленные окна в дальнем конце комнаты струился солнечный свет.

Эван постоял несколько секунд, давая глазам привыкнуть к яркому свету, и посмотрел на друга. Тот сидел в кресле в углу комнаты, уставившись в противоположную стену.

Филипп каждый день усаживался в новом месте, но по-прежнему молчал.

– Доброе утро, – поздоровался Эван, входя в комнату и закрывая за собой дверь.

Тишина.

– Сегодня прекрасный день, – добавил Эван.

Деревья за окном стояли в чудесном осеннем уборе. Казалось, что все вокруг пылает. Осень – его самое любимое время года. Но Филипп редко смотрел в окно.

– Как ты себя чувствуешь? – Эван задавал этот вопрос каждое утро, хотя и знал, что ответа не получит. – Я рано утром встречался со своим юристом, потом просмотрел бухгалтерские книги, а после обеда собираюсь покататься верхом.

Довольно затруднительно вести одностороннюю беседу, но именно это рекомендовали доктора. «Ведите себя так, будто ничего не изменилось, милорд. Когда он будет готов – ответит».

Эван надеялся, что они правы, но день проходил за днем, Филипп все молчал, и надежда постепенно таяла.

Они дружили с детства. Их отцы были близки, как родные братья. Мальчишки все делали вместе – учились ездить верхом, охотиться, плавать. Именно во время купания, когда им было всего по семь лет, Филипп показал себя самым преданным другом.

День начался с рыбалки на озере в поместье отца Филиппа. После обеда ловить рыбу им надоело: было очень жарко – и они полезли купаться. Мальчики ныряли и соревновались, кто дольше задержит дыхание. Даже в детстве стремление к лидерству брало верх над Эваном. Именно он должен был победить. Да только в своем стремлении продержаться под водой как можно дольше он нырнул слишком глубоко и зацепился одеждой за корягу.

Видимо, Филипп сообразил, что друг находится под водой слишком долго, и нырнул вслед за Эваном. Ему пришлось ломать корягу, до крови изранив руки, но Эван почти ничего этого не помнил. Филипп схватил его за руку, вытащил на берег и принялся откачивать, стараясь выдавить воду из легких. Наконец Эван закашлялся и пришел в себя. Тут примчались их отцы, услышав крики Филиппа.

В тот день друг спас ему жизнь, и Эван поклялся, что оплатит Филиппу тем же, если возникнет необходимость. В отличие от Филиппа Эван, будучи виконтом, не служил в армии. Вместо этого, как член парламента, он делал все возможное ради победы. У Филиппа не было титула, офицерскую должность он получил в армии, и его отправили на континент.

На войне, раненный в плечо, он упал с лошади, и только через несколько дней после сражения, прочесывая поле боя, его нашли, отвезли в мобильный госпиталь, а затем переправили в Англию.

Эвана не было рядом в тот день, когда его друг нуждался в помощи, не было его и на полях сражений в Европе, но едва услышав, что Филипп ранен, он помчался в Дувр и встретил корабль, на котором тот должен был приплыть. Он оборудовал отдельную карету, чтобы создать все удобства для инвалида, но когда увидел сходявшего на берег Филиппа, понял, что пострадало не только тело друга. Филипп, конечно, похудел и побледнел, но страшнее было другое: пострадал его разум. Он шел своими ногами, раны зажили и сломанные кости срослись, но в тот день он не произнес ни слова и молчал до сих пор.

Эван провел еще некоторое время в комнате друга, как обычно, рассказывая о том, что происходило в имении, что вычитал в газетах, потом встал и вышел. Вот так и проходили их встречи каждый день: он говорил, Филипп молчал, но

Эван добросовестно выполнял предписания врача и делал для друга все возможное.

Эван прошел мимо окна, остановился и посмотрел вниз, на паддок, где Форрестер и кто-то из конюшенных грумов занимались с Алабастером. Ему хотелось показать лошадь Филиппу, но после долгих обсуждений они с тренером решили, что он сначала должен набраться сил, и только потом ему расскажут про Алабастера.

Спустя несколько мгновений Эван вышел из комнаты, в отчаянии подумав о том, что надежды на выздоровление Филиппа остается все меньше. Он по-прежнему не разговаривает, не выходит из комнаты. Как, скажите на милость, убедить его спуститься в конюшню и сесть на коня?

Эван потратил на Алабастера целое состояние. Стоило ли? Сможет ли животное помочь Филиппу вернуться к жизни? Или все же раны друга больше физические, чем душевные? Только время покажет. Было, однако, и еще кое-что: личность этого человека окутывала тайна, и никому не полагалось знать о его местонахождении.

Глава 8

Тея пониже натянула на лоб картуз, собираясь спрыгнуть с небольшого пони, на котором ехала под покровом ночи в имение лорда Клейтона. Хвала небесам, сегодня светила полная луна, а то бы пришлось пробираться туда в крошечной тьме.

Мэгги была единственной, кто знал, куда отправилась Тея. Они долго спорили, когда девушка поделилась с подругой намерением прокрасться в конюшню Клейтона, да еще и в полном одиночестве, ночью, переодетой мальчишкой, но в конце концов упрямая Тея настояла на своем. Никакой кареты. С какой стати бедный мальчишка заявится туда в карете? А вот пони – то, что надо.

Конечно, Мэгги пыталась предостеречь хозяйку, задав множество весьма разумных вопросов вроде: «А если вас поймают? А что, если охрана начнет стрелять?» Ничего не действовало. Тогда Мэгги вынесла вердикт: «Если вас поймают или подстрелят, то имейте в виду: именно это вы и заслужили».

Тея отрезала: «Да не надо обо мне беспокоиться, все будет хорошо». Теперь, оказавшись на землях Клейтона, она уже не чувствовала такой уверенности и впервые усомнилась в успехе задуманного.

Тея тряхнула головой и поправила картуз. Все уже зашло

слишком далеко, так что назад пути нет.

Почти неделю Мэгги потратила на шитье одежды для тайной вылазки Теи. Когда все было готово, девушка подождала еще несколько дней, до полнолуния, чтобы можно было спокойно ехать верхом. Вся эта затея была опасной и рискованной, но очень уж ей хотелось увидеть своего коня!

Она соскользнула с пони и привязала его к дереву. Прежде чем решиться на эту вылазку, она основательно изучила имение лорда Клейтона, к своему восторгу обнаружив в отцовской библиотеке карту округа. Небольшие участки, не отмеченные на карте, Теодора заполнила благодаря визитам к соседке, старой леди Мейфезер, которая знала в Девоне всех и вся и с готовностью делилась сплетнями с каждым, кто имел терпение ее слушать. Она любила Тею, а самым лучшим во всем этом было то, что лорд Мейфезер и граф Блэкстоун много лет были в ссоре и практически не общались, то есть леди Мейфезер вряд ли могла рассказать отцу Теи о том, что девушка заходила к ней и очень интересовалась имением лорда Клейтона.

Благодаря карте и сведениям, полученным от разговорчивой старой леди, Тея тщательно рассчитала расстояние от главной дороги до хозяйственной части имения. Оказавшись на чужой территории, она старалась скрываться под деревьями, окаймлявшими северную ее часть, и держаться в стороне от главной дороги.

Укрывшись за деревом, Тея всмотрелась в даль, за луг,

и выдохнула. Конюшня находилась именно там, где она и предполагала, хвала небесам. По ее оценке, бежать до нее не больше мили, если между деревьями, и легкой трусцой. Тея пустилась в путь, радуясь, что не зря упросила Мэгги сшить черную одежду, которая незаметна даже при полной луне.

Ей потребовалось не больше четверти часа, чтобы добраться до конюшни. Тея прижалась спиной к деревянной стене огромного строения, пытаясь отдышаться, а когда дыхание стало ровным, прислушалась. Прохладный ночной воздух отозвался полной тишиной: лошади и грумы наверняка крепко спят.

Она прокралась вдоль стены и оказалась возле первых ворот – разумеется, запертых. Но это ожидаемо. Оглянувшись, Тея увидела деревянный ящик из-под молока и подтащила под окно, что рядом с воротами, потом забралась на него и как можно бесшумнее толкнула раму.

К ее огромному облегчению, она поддалась и поползла вверх. Не заперто! Это настоящая удача. Упираясь ногами в стену, Тея подтянулась и села на подоконник. Давая глазам время привыкнуть к темноте конюшни, посидела, а когда убедилась, что опасностью не пахнет, прыгнула внутрь и ловко приземлилась на утрамбованную землю. Медленно выпрямившись, Тея огляделась, не напугала ли лошадей и не разбудила ли грумов. Немного подождав, но ничего подозрительного не заметив, она решила, что ей ничто не угрожает

и можно идти дальше. Луна светила в окна на дальней стене конюшни, и ее света вполне хватало, чтобы разглядеть огромное помещение. Конюшня лорда Клейтона и вправду впечатляла. Ее определенно проектировал знающий человек. Стена для седел и прочего снаряжения, наковальня для кузнеца, широкие ворота, веревки, вилы, бочки с водой. На втором этаже, по словам леди Мейфезер, спят грумы.

Конюшня в Блэкстоуне тоже очень неплохая, но с этой, конечно, не сравнить. Тюки свежего ароматного сена лежали вдоль стен и свисали со стропил, а таких просторных денников она никогда не видела. Вокруг такая чистота, что хоть званые обеды устраивай. Пахнет кожей, сеном и лошадьми.

Можно много чего сказать про лорда Клейтона, но о лошадях он определенно заботится очень хорошо.

Тея сделала несколько осторожных шажков к центру конюшни. Сердце ее отчаянно колотилось: ведь ее любимый Алабастер где-то здесь. Но где? Она пошла вдоль денников, заглядывая в каждый.

В первом стояла гнедая кобыла с пятнами на носу и длинными мягкими ушами, которые подергивались в прохладном ночном воздухе; во втором – английский чистокровный темно-бурый жеребец, явно предназначенный для скачек; в третьем деннике разместился один из самых великолепных жеребцов серой масти, каких Тея когда-либо видела. Три следующих денника занимали серые красавцы, которые походили друг на друга и наверняка обошлись лорду Клейтону

в немалую сумму. У виконта явно хорошие доходы.

Тея медленно пошла дальше. Все лошади были великолепно: чистые, ухоженные, мускулистые, с восхитительными гривами, но Алабастера она не увидела и начала волноваться. Что, если его разместили где-нибудь в другом месте?

Остался всего один денник, самый большой в дальнем конце ряда, и там она увидела очертания крупного животного. Конь в лунном свете был великолепен: это он, ее Алабастер. Она узнала бы его где угодно, даже в полной темноте.

Когда Тея подошла к деннику, конь фыркнул. Учужал ее? Узнал ли? Девушка с трудом сглотнула, слезы обожгли глаза. Наконец-то. Вот он, ее конь. Ее мальчик. Пусть он был жеребенком, когда она видела его в последний раз, но все равно узнала бы где угодно, и, похоже, он ее тоже помнит.

Тея подошла к дверце денника, ощущая невероятное возбуждение, но все же очень осторожно, чтобы не напугать коня, и остановилась. Сердце, казалось, готово выскочить из груди. Она медленно протянула руку, и жеребец, шагнув вперед, ткнулся носом ей в ладонь.

– Вот ты где, мой мальчик, – прошептала Тея, даже не пытаясь сдержать слезы. – Ах как я по тебе скучала!

Он ее помнит! Тея погладила жеребца по бархатному носу, по морде, вытащила из кармана яблоко, которое специально для него захватила. Раньше он обожал яблоки, и она украдкой ему их таскала.

Тея с восхищением смотрела на коня, такого большого,

такого красивого, наконец шепнула:

– Ты был в Португалии, да? Наверняка король гордился тобой.

Она опять погладила его нос, и жеребец, фыркнув, ударил копытом.

– Не тревожься, Алабастер. Я тут, конечно, натворила дел, но все равно скоро я тебя заберу. Обещаю.

А дел она действительно натворила: ночью тайком прокралась в конюшню соседа. Большая ошибка – наживать себе врага в лице лорда Клейтона. В результате он не разрешил ей увидеть коня. И имел на это право. Разумеется, она не собиралась выполнять его требование, но теперь понимала, что опозорилась перед виконтом. Наверняка она показалась ему вздорной эгоисткой, учитывая то, как себя вела.

Одна из лошадей вдруг тихонько заржала, и у Теи оборвалось сердце. Она скользнула в тень у дальней стенки денника Алабастера и прижалась к деревянным планкам, чувствуя, что сердце колотится прямо в горле. Спустя несколько напряженных секунд она услышала, как кто-то спускается вниз со второго этажа, громко топая по ступенькам, и с трудом сглотнула. Надо выбираться отсюда.

Но успеет ли она добежать до выхода, чтобы остаться незамеченной? Судя по шагам, лестница где-то в центре конюшни.

Времени на обдумывание не осталось, и Тея решила бежать.

Стараясь оставаться в тени, помчалась она к огромным воротам. Они оказались запертыми, и вряд ли она сможет открыть их сама. Придется выбираться через то же окно.

Большая дверь в середине ближайшей стены распахнулась как раз в тот момент, когда Тея протиснулась в окно.

– Эй, ты, а ну стой! – послышался мужской голос.

Тея спрыгнула на мокрую холодную траву, быстро вскочила на ноги и припустила что есть мочи к ближайшему углу конюшни.

Тот, кто ее заметил, пытался вылезти в это же окно: должно быть, у него не было под рукой ключей, продолжая требовать остановиться. Судя по голосу, мужчина пожилой: вероятно, главный конюх. Тея завернула за угол, и луна осветила дорожку к деревьям. Выбора не было, только бежать. Не останавливаясь, чтобы подумать, Тея припустила через луг. Ноги летели словно сами по себе, выбивая пучки травы.

Ей было слышно, как в конюшне поднялась суeta, раздались крики. Видимо, тот, кто ее заметил, позвал на помощь, разбудил грумов, и те присоединились к нему, но обернуться Тея не осмеливалась. Скорее вперед, под защиту деревьев! Она бежала так быстро, как только могла: хвала небесам, всегда была быстроногой. Оказывается, если многие годы гоняться за старшим братом, от этого тоже есть толк.

Наконец-то спасительная роща! И только добежав до своего пони, Тея осмелилась посмотреть назад. Конюшня была ярко освещена фонарями, грумы и мальчишки-помощники

уже разошлись веером по лугу в поисках чужака, но, к огромному облегчению Теи, направились на юг, в сторону дома и проезжей дороги, а роща находится в северном направлении.

Она торопливо забралась на пони и пустила его рысью, чтобы поскорее покинуть земли лорда Клейтона, но вздохнула спокойно, только оказавшись дома, в собственной кровати.

Устраиваясь поудобнее на матрасе и поправляя подушку, Тея улыбнулась, совершенно счастливая: все-таки увидела Алабастера, своего обожаемого мальчика! И он ее не забыл. Она сказала Мэгги чистую правду: красть коня не собирается — это ниже ее достоинства. Но как выдержать, зная, что Алабастер так близко, а ей нельзя его навестить! Лорд Клейтон не позволил ей даже взглянуть на коня, и почему-то этот отказ только прибавил ей упрямства.

Тея едва не попалась, но оно того стоило. И, несмотря на опасность, она опять вернется туда, чтобы увидеть своего коня: может быть, в последний раз, перед тем как ляжет снег.

Глава 9

– Простите, что беспокою вас, милорд, но грабитель сегодня опять забрался в конюшню, – сообщил Хамболт, силуэтом видневшийся в дверях спальни хозяина.

Эван сел, откинулся на подушки и протер сонные глаза.

– Какого черта? Сколько времени?

– Почти два часа ночи, милорд, – ответил дворецкий.

Эван выругался себе под нос. Вторую ночь подряд его будили, чтобы сообщить, что кто-то забирался в конюшню.

– Что-нибудь украдено?

– Нет: мистер Херефорд опять его спугнул.

Эван выгнул бровь.

– Странный какой-то грабитель, а, Хамболт?

Дворецкий согласно кивнул.

– Он опять пробрался к деннику арабского жеребца.

– Ах вот как...

Эван почти не сомневался, что две ночи подряд в конюшню пробиралась леди Теодора Баллард. Хотя конюхи и видели подростка, но эта нахалка запросто могла надеть мужское платье. Или это она сама, или тот, кого она сюда отправила. Но что-то здесь казалось Эвану странным, совершенно бессмысленным. Ни в ту, ни в другую ночь чужак не делал ни малейшей попытки украсть коня. Дверь денника не открывали, ворота конюшни тоже оставались закрытыми. Вор, пусть

даже самый искусный, не смог бы протолкнуть жеребца через окно. И это не принимая во внимание того, что, если бы араба в самом деле украли, первое место, куда пошел бы искать его Эван, была бы как раз конюшня графа Блэкстоуна. Если в конюшню повадилась действительно она, то должна же понимать, что увести коня оттуда невозможно.

Но зачем же тогда она по ночам пробирается туда, одна, или, возможно, отправляет одного из отцовских грумов? Не может же она так рисковать только для того, чтобы навестить жеребца? Или может? Неужели эта дамочка настолько упряма и безрассудна?

Прошлой ночью Эвану сообщили то же самое: кто-то залез в конюшню, но сумел сбежать до того, как мистер Херефорд и другие конюхи подняли тревогу. Эван распорядился подготовиться на случай, если это произойдет опять, и поймать наконец воришку. Очевидно, этот неизвестный, кем бы он ни был, стоял на своих двоих куда увереннее, чем его слуги.

– На этот раз я намерен вызвать констебля, милорд, – сообщил дворецкий, – но подумал, что сначала нужно известить вас.

Эван прищурился и потер глаза, прогоняя остатки сна.

– Сегодня ничего необычного не заметили, Хамболт?

– Нет, милорд. По крайней мере, мистер Херефорд ничего такого не говорил.

– Вы сказали, это мальчишка? – уточнил Эван.

– Да, милорд. По словам конюхов, лет двенадцати-тринадцати.

Эван потер подбородок и зевнул.

– Пока констебля не вызывайте, мистер Хамболт.

– Милорд? – удивился дворецкий. – Тогда, может, я распоряжусь, чтобы старший конюх на всю ночь поставил кого-нибудь к деннику жеребца?

– Нет, спасибо, мистер Хамболт, – медленно проговорил Эван. – Я займусь этим воришкой лично.

Глава 10

Эван сидел в конюшне на тюке сена, который придвинули к стене справа от облюбованного ночным гостем окна. Он уже дважды взлезал в конюшню именно здесь, и Эван надеялся, что и в третий раз ничего не изменится. Однако здесь он караулил уже пятую ночь и начинал терять терпение, но странный визитер не появлялся, хотя и должен был. Может, просто испугался, потому что дважды чуть не попался, или ждет, когда подрастет луна? Эван подозревал, что дело именно в этом, и очень надеялся, что сегодняшней ночью так называемый вор вернется: луна была почти полной.

Глаза уже закрывались, бороться со сном становилось все труднее, как вдруг он отчетливо услышал удар по стене. Эван мгновенно выпрямился. Тело напряглось в готовности схватить неизвестного визитера, чтобы раз и навсегда покончить со всем этим.

Он не спешил. По всем признакам это и вправду мальчишка, так что справиться с ним труда не составит, ну а если это леди Теодора, и того проще.

Эван, настороже, но совершенно спокойный, пригнулся, глядя, как со скрипом приоткрывается окно и в него протискиваются плечи и торс незваного гостя. Во всем черном он был практически незаметен, так что ничего удивительно, что конюхи не сумели разглядеть его на лугу. Воришка протис-

кивался все дальше, и Эван в свете луны рассмотрел бриджи и сапоги, а вот лицо разглядеть пока не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.